

Отрывок из книги Пирьё Хямляйнен-Форслунд «Роман Елизаветы. История семьи Клодтов-Ярнефельтов». СПб, 2002.

Елизавета – это Елизавета Константиновна Ярнефельт, урожденная Клодт фон Юргенсбург (1839 СПб – 1929 Хельсинки). Она была дочерью артиллерийского генерала, гравера и фотографа Константина Карловича Клодта и племянницей скульптора Петра Карловича Клодта, о котором и идет речь в предлагаемом отрывке из книги. В 1858 году она вышла замуж за генерал-лейтенанта Августа Александера Ярнефельта. Их дети – художник Ээро Ярнефельт, композитор и дирижёр Эдвард Армас Ярнефельт, писатель Арвид Ярнефельт. Дочь Айно вышла замуж за композитора Яна Сибелиуса. Книга написана на основе не переведенного в России трехтомного "Романа о моих родителях" Арвида Ярнефельта.

В салоне Елизаветы Ярнефельт в Хельсинки неизменными гостями бывали артисты, писатели, политики, которые создавали во второй половине XIX века национальную финскую культуру. Но предлагаемый отрывок – о ее юношеских годах, проведенных в усадьбе дяди Петра Карловича в Халоло, волости Уусикиркко. Арвид Ярнефельт писал свой труд, опираясь на воспоминания родителей и о родителях. Это не документальное произведение, но описание усадьбы Петра Клодта и жизни там вполне соответствует другим источникам.

Глава VII Павловск и Халоло

Поначалу Петр Карлович снимал дачу в Кушелевке на северной окраине Петербурга, но на деньги, которые он получил за рельеф Мраморного дворца, он купил в Павловске участок, на котором был большой сад. Напротив дома Петра Карловича вскоре обосновалась и семья Константина Карловича, отца Елизаветы. Ей тогда было около десяти лет.

Поселиться в Павловске рекомендовал Петру Карловичу архитектор Александр Брюллов, который руководил работами по обновлению Мраморного дворца и сам имел в Павловске дачу. Вообще же Павловск, этот русский «полуверсаль» был в те годы в чести у знати. В 1837 году туда была построена от Петербурга через Царское Село первая в России железная дорога, а только что построенный вокзал в Павловске стал модным залом для спектаклей и концертов.

В романе «Идиот» Федор Достоевский пишет: «Там и хорошо, и возвышенно, и зелено, и дешево, и бонтоно, и музыкально, и вот потому и все в Павловск. ... В Павловском вокзале по будням, как известно, и как все по крайней мере утверждают, публика собирается „избраннее“, чем по воскресеньям и по праздникам, когда наезжают „всякие люди“ из города. Туалеты не праздничные, но изящные. На музыку сходиться принято. Оркестр, может быть действительно лучший из наших садовых оркестров, играет вещи новые. Приличие и чинность

чрезвычайные, несмотря на некоторый общий вид семейственности и даже интимности. Знакомые, все дачники, сходятся оглядывать друг друга. Многие исполняют это с истинным удовольствием друг друга. Многие исполняют это с истинным удовольствием и приходят только для этого; но есть и такие, которые ходят для одной музыки. Скандалы необыкновенно редки, хотя, однако же, бывают даже и в будни. Но без этого ведь невозможно».

Позже в Павловском вокзале выступали многие финские музыканты: Роберт Каянус, Армас Маасало и младший сын Елизаветы Армас Ярнефельт.

«Вообще-то у меня здесь довольно хороший успех, хотя и не могу сказать, что я в большом восторге от Павловска. Многие люди довольно поверхностны и считают музыку и искусство просто развлечением, а не работой души. Посидят немного, послушают, потом встают и уходят, если им становится скучно.

Наряды и шляпы, духи и пудра, высоко поднятые юбки, красивые ноги и т.п. - вот в чем смысл жизни.

Что вы там зря философствуете и никак чего-то не можете понять. Им все ясно. Утром валяются до полдня, потом встают и думают, как бы взбодриться, может быть прогуляются с полчаса - для здоровья, потому как, видишь ли, очень нервные.

Обедают, ходят с визитами в летнем платье, играют в лаун-теннис, говорят по-английски и по-французски. Вечером идут слушать музыку, а после этого еще и в гости, где и женщины, и мужчины играют в карты на деньги, проигрывать спокойно не умеют, а покрываются краской, иногда и неприличные слова высказывают, рассказывают всякие истории с экивоками. Вот такая жизнь!» - обличал Армас павловскую музыкальную публику в письме Елизавете 25.7.1900 года.

Армас Ярнефельт, патриотически настроенный финн конца девятнадцатого - начала двадцатого столетия, видел только плохие манеры русских высших кругов, не обращая особого внимания на блестящую обстановку Павловска - дворец, беседки, фонтаны, колоннады, скульптуры и сам парк, простиравшийся до самого Царского Села.

Павловск был назван в честь Павла I, первого владельца летнего дворца и несколько странного сына Екатерины Великой, «курносого злодея», как выражались некоторые. Местное ингерманландское поселение называлось Венъёки, как и речка, живописно петлявшая по парку, по-русски Славянка.

У Петра Карловича в Павловске помимо основного дома было еще ателье с башнями, бывший павильон. Кроме того, была еще столярная мастерская, каретный сарай и большая конюшня. Аллеи в саду были так широки, что по ним можно было ездить на лошадях.

В Павловске дети Петра и Константина Карловичей могли ездить на осле, упрямом и своевольном, который вызывал у гостей обоснованный страх. Во время маскарадов осел превращался в лошадь Санчо Пансы, в то время как Петр Карлович с пожарным багром в руке изображал Дон Кихота, сидя на горделивой лошади, одной из тех, что были моделями для скульптур Аничкова моста. В Павловске устраивались фейерверки и дальние походы, в которые брали с собой палатку и полевую кухню с соответствующей прислугой.

Излюбленным местом походов была Графская Славянка с ее живописными окрестностями. Поместьем владела известная своим решительным характером княгиня Юлия Самойлова, которая заказала Александру Брюллову для усадьбы проект нового жилого дома, а его брата Карла Брюллова опекала и держала при

себе любовником. Самойлова была близка ко двору, позднее ее имение перешло в собственность императорской фамилии.

Пресытившись в конце концов довольно незамысловатыми развлечениями высшего общества в Павловске, Петр Карлович продал свою усадьбу брату Владимиру, а сам купил себе в 1854 году поместье Хаани в Халола, недалеко от Уусикиркко, площадь которого еще перед последней войной была 400 гектаров.

От Петербурга до Халола было целых 80 верст, что было немалым испытанием как для хозяев, так и для гостей. Благоустроив поместье, Петр Карлович должен был часто бывать по делам в Петербурге, оставляя детей в Халола. Чтобы дети не скучали, Елизавету приглашали побыть с ними, она ведь была точно такого же возраста, что и одна из дочерей, Наталья Петровна. Елизавета и позже подолгу бывала в Халола, да и члены ее семьи, по-видимому, прекрасно чувствовали себя там.

Интересно было бы узнать, откуда у Петра Карловича явилась идея переехать в Финляндию, потому что многие петербуржцы заразились ею только после постройки железной дороги на Выборг в 1870 году. В неопубликованном наброске романа Арвид, правда, упоминает, что недалеко от Уусикиркко издавна было поместье Берковых. *«По соседству с дядиным огромным имением, собственно, в той же деревне, на своем небольшом участке жила маленькая семья по фамилии Берковы»*. В окончательном варианте романа они тоже упоминаются: когда клодтовская молодежь отправляется на лошадях на масленичное гулянье, Александру Васильевну, или Шуру Беркову, сажают рядом с Александром Ярнефельтом, поскольку она, летняя жительница Уусикиркко, знает местные финские условия. Может быть, Петр Карлович и услышал об этом месте от Берковых, у которых могли быть свои собственные связи с именьями на Карельском перешейке.

В представлении многих русских Финляндия ассоциировалась с пустынными берегами, гордыми скалами и скандинавскими божествами - как писал в своих стихотворениях Евгений Баратынский, а также со шведским языком, шведскими законами и обычаями. С точки зрения петербуржцев, Александр Ярнефельт был шведом, и если бы кто-нибудь сказал, что он такой же финн, как и крестьяне на Карельском перешейке, такое суждение вызвало бы недоумение. Для петербуржцев Финляндия и Карельский перешеек были вещами разными.

Петр Первый основал Петербург в 1703 году, а уже семью годами позже он завоевал Карельский перешеек и по Ништадтскому миру присоединил его к своей империи. С точки зрения петербуржцев, на северо-западе от города всегда была некоторая территория с населением, говорившим по-фински, главным предназначением которого было снабжать город маслом, молоком и мясом, возить сено лошадям и дрова для печей его жителей. При строительстве города финских крестьян, само собой, использовали в качестве даровой рабочей силы.

У некоторых жителей Петербурга на перешейке были большие имения. Создатель российского флота голландец адмирал Корнелиус Крюйс вскоре после основания города получил в подарок земли в Уусикиркко, Койвисто и Йоханнесе, полицмейстер Антон Девиер - земли в Рауту, а граф Мусин-Пушкин - в Саккола. Права у крестьян на перешейке во многих случаях были столь же малы, как и у русских крепостных, а в годы правления Екатерины Второй в дарственных стали появляться уже такие зловещие выражения, как «души мужеска пола».

С точки зрения жителей города, между деревнями на перешейке и окружавшими Петербург ингерманландскими селами не могло быть большой разницы. Крестьяне говорили на одном и том же языке, одинаково одевались, и

товары, которыми они торговали, были примерно одинаковыми. Когда Петр Карлович перенес свою летнюю резиденцию из ингерманландского Павловска в карельскую деревню Уусикиркко, он полагал, что переезжает с южного берега Финского залива на его северный берег, из ближайшего к городу пригорода в немного более дальний. Пусть Халола административно относилась к Великому княжеству Финляндскому - это обстоятельство не имело большого значения для Петра Карловича.

Финнов из стихотворений Евгения Баратынского никто не отождествлял с финскими крестьянами, стоявшими на Сенной площади, но писатели в какой-то степени способствовали переезду людей в Финляндию и созданию той романтической тяги, которую испытывали многие петербуржцы с приближением лета.

Уже в восемнадцатом веке в русской литературе воспевались идеалы простой сельской жизни. Эти представления укрепило творчество Александра Пушкина (например, «Повести Белкина», 1830 г.), а Иван Тургенев пробудил во всей интеллигенции глубокое чувство любви к природе, к лесам, лугам и плывущим по небу облакам. Рассказы, опубликованные им в журнале «Современник» в 1852 году, были собраны в сборник «Записки охотника», которые стали русским аналогом «Хижины дяди Тома (тоже опубликованной в 1852 году), одой во славу природы, но в то же время в защиту человечности, против крепостничества.

Дача в Павловске представляла собой на самом деле довольно большую усадьбу, и в Халола Петр Карлович продолжал жизнь помещика. К моменту переселения Петра Карловича Карельский перешеек переживал переходный период - время даруемых поместий кончалось, начиналось время дачных усадеб.

Крестьяне, тем не менее, еще не были свободными, они по-прежнему жаловались на тяжкие условия жизни и местами были склонны к бунту.

Лишь в 1867 году - после отмены крепостного права в России - было принято решение о выкупе подаренных земель в государственную казну. Эта операция длилась долго, и часто случалось, что земли не оставались за крестьянами. Замученные долгами, они продавали их петербургским дачникам.

Пожалованные усадьбы еще в восемнадцатом веке стали использоваться как место проживания летом, и по русскому обычаю в них были припасены комнаты, а иногда и отдельные строения для гостей и родственников. Традиция проводить лето на перешейке начиналась с жалованных имений и продолжилась потом строительством дач русскими и сдачей в аренду финнами. К началу двадцатого столетия только в Уусикиркко было около трехсот участков, которыми владели русские, и больше тысячи дач.

Настоящие владельцы жалованных поместий (их часто называли баронами) иногда бывали в них только раз в году, а вот у Петра Карловича замыслы были совсем другие. Ему нужна была не столько экономическая выгода, сколько душевный отдых - возможность уйти от суетного Петербурга и светских обязанностей, вместо невских испарений и уличного чада дышать замечательным сухим и здоровым воздухом песчаных сосновых лесов и, устав после городского грохота, слушать нежные голоса природы.

Уусикиркко называли приходом семи озер, а деревень там было в десять раз больше. Местность в Уусикиркко полого холмистая, но гора Мякиенмяки поднимается над уровнем моря больше чем на сто метров, что было для привыкших к плоской местности русских, маленьким чудом. Кое-где встречались благородные лиственные деревья, но в основном вокруг на песчаных, покрытых вереском почвах росли сосновые леса, как и везде на перешейке.

Деревня Халола, получившая название по фамилии семейства Халонен, находилась в северо-западном конце одноименного озера, меньше чем в миле от пересекающей перешеек Выборгской дороги. Второй основной трассой через перешеек была приморская питерская дорога через деревню Кивеннапа.

Дорога до Халола была все же такой длинной, что Петру Карловичу часто приходилось неделю жить в Петербурге, а неделю - в Халола. Сразу за городом дорога шла почти все время по берегу Финского залива, мимо Лахты, Куоккала и Терийоки.

По «Роману о моих родителях» первую остановку, чтобы накормить лошадей, делали в Лахте. На песчаном пляже в Терийоках, если случалась хорошая погода, купались. Вид открытой морской глади оказывал на Елизавету, выросшую в дельте Невы, глубокое впечатление.

«Не знаю, не от этого ли легкого запаха моря и его замечательной воздушности какое-то ярко-синее чувство всегда связывалось в моем представлении с Финляндией. Даже само ее название пробуждало во мне чувство какой-то надежды и радости, глубокий вздох освобождения, у которого тоже был синий цвет моря», - утверждает Елизавета в «Романе о моих родителях».

Елизавета влюбилась в Финляндию в Терийоках, но для самих финнов Терийоки были местом, откуда можно было увидеть купола Кронштадта и ощутить близость Петербурга. А иногда случалось и так, что море поднимало в воздух весь город чудным сверхъестественным миражем. Терийоки была Финляндия, но Финляндия, немыслимая без Петербурга. Этого Елизавета в детстве не принимала во внимание.

В Ваммельсуу, или на Черной речке, как ее называли по-русски из-за темного цвета воды, меняли лошадей. Извозчик, нанятый в Петербурге, возвращался назад, его сменял финн.

Однажды зимой Петр Карлович свалился с саней, а поскольку из-за ревматизма он был плотно укутан, то остался лежать на дороге, не в состоянии никуда двинуться. Только, когда со стороны Финляндии подъехал другой кучер и стал узнавать новости у кучера, который вез Петра, обнаружилось, что сани пусты, а ездук пропал.

После Ваммельйоки дорога начинала подниматься в глубь перешейка вдоль течения реки. Местность там одна из самых волнующих, и с самой рекой связаны различные легенды, как о том свидетельствует второе название реки - Дорога святой Биргитты¹. А посмотреть на Смертельную пропасть, мрачное ущелье в Ваммельсуу приезжали даже издалека. Странная торжественность ощущалась и в лиственничном лесу, посаженном во времена Екатерины Второй, в «Райволовском огороде», как по наследству от старого сада его называли местные жители.

После того, как позади оставались Ваммельярви, приходское село Уусикиркко и Кирккоярви, добирались наконец до деревни Кууярви, откуда отходила дорога на Халола. Во двор въезжали по роскошной березовой аллее.

¹ Святая Биргитта была покровительницей Уусикиркко, посвященная ей церковь находилась в Пиританниemi на берегу озера Каукярви. Крестьяне с перешейка столетиями привыкли ездить зимой вверх по реке до самого озера Сууляярви (прим. автора).

В царское время в Халола было 4 усадьбы, которые потом стали называть дачами. В годы правления Александра III в северной части деревни был построен популярный у русских туберкулезный санаторий, а после получения Финляндией независимости в этой местности, известной своим здоровым климатом, был построен еще один, совсем рядом с Халола.

На дачах любовь к природе была делом само собой разумеющимся, как отмечал живший позднее в Ваммельсуу знакомый Ээро Ярнефельта, язвительный Леонид Андреев. «Кто же не любит природу? - всякий болван в белых ботинках любит ее, каждый розовый зонтик говорит то же».

Андрееву не верилось в искренность соотечественников, и действительно, многие петербуржцы усвоили это отношение к природе скорее из литературы. Елизавета бродила по паркам Павловска и более диким лесам, но и для нее сельские пейзажи на Карельском перешейке с его озерами и горками были внове.

«Для нее затеянный дядей Петром переезд в Уусикиркко в Финляндию был пробуждением к новой жизни, полной радостей. Смена каменных домов Петербурга на природные леса, ручьи, реки, озера, луга, скалы, жизнь финских крестьян с их пахотой, сенокосом, с их песнями настолько очаровали душу юной Елизаветы, что она никакой рай не могла бы представить себе более прекрасным, чем эта природа и ее простые люди. Я даже думаю, что настоящей основой ее теплой любви к родине в более поздние годы была деревенская природа Финляндии и отражение этой природы в финском языке», - писал Арвид в «Романе о моих родителях». В другом месте он вкладывает в уста Елизаветы следующую фразу: «В Финляндии мне открылся новый, неожиданный, зачарованный мир, полный глубины и невыразимой прелести - открылся и навсегда стал второй половиной моей души».

Райские видения Арвида предвещают переход к толстовству, но сильная пантеистическая связь Елизаветы с природой видна и из ее собственных писем. А разговор о любви к родине несколько не обдуман, потому что несмотря на всю свою приверженность финской идее у Елизаветы, даже в советские годы, была одна единственная родина - Россия. В «Романе о моих родителях» Арвид вообще склонен к преувеличениям. Так он утверждает, что дом в Халола был самым красивым во всей деревне Уусикиркко, а дом, в котором Ярнефельты жили в Выборге - единственным каменным домом в городе (что должно было вызывать раздражение у читателей из Выборга). На самом деле дом в Халола был простым зданием, в котором на двух этажах были окна, поделенные на шесть стекол, а со стороны двора широкая открытая веранда, обрамленная вьющимися растениями. Дом не имел ничего общего с ультраромантическими кружевными виллами конца столетия.

Верхний этаж был полностью предоставлен в распоряжение гостей, из-за них нужно было иметь и много прислуги, так как в соответствии с клодтовскими демократическими убеждениями гости могли приезжать и уезжать, когда вздумается.

В «Романе о моих родителях» автор утверждает, что довольный гость был для прислуги высшей радостью и счастьем, но в глазах самих служителей ситуация, вероятно, выглядела несколько иначе.

Хозяйственные постройки усадьбы были бревенчатые, рубленные в угол, с двускатными крышами, типично финские. В конюшне стояли дорогие детским сердцам лошади: Гнедой, Машка и Рыжка. Петр Карлович еще в Павловске изобретал новые виды повозок и в Халола продолжал заниматься своим любимым делом, проектируя громадные крытые дроги. Когда он отправлялся в Сестрорецк

за покупками в своей выкрашенной в ярко-красный цвет повозке, финские мальчишки с воплями бежали сзади, обзывая высокую процессию цыганами.

«В Халола у нас были прекрасные места. Дом и усадьба располагались на горе, под которой бежала узкая, но быстрая речка. В ней было хорошо купаться. Берега были покрыты стройными березовыми рощицами, между ними полянки с фиалками, ландышами, цветами ивана-да-марьи, с красивыми грибами.

Перед домом была изумрудного цвета лужайка, на которой росли березы и серебристые тополя. Все хозяйственные постройки стояли по краям лужайки. Немного в стороне были огород и теплица, где росли разные цветы и ягоды. Сад спускался с горки вниз через рощу, которую местами прорезала шумная речка, полная кувшинок. В одном месте на речке был крохотный водопадик, через который был построен горбатый мостик», - вспоминает Любовь Александровна Редькина, внучка Петра Карловича.

Предыдущие хозяева Халола были - по представлению Арвида - не только жадными, но и жестокими людьми, так что прислуга и арендаторы относились к Петру Карловичу, петербургскому барону, очень настороженно. Но вскоре выяснилось, что Петр Карлович ничего не смыслил в сельском хозяйстве.

«Отец был непрактичным человеком, не понимавшим ничего в земледелии; управляющие постоянно воровали у него... Я не понимаю в хозяйстве, но слышал постоянно, как люди говорили, что Халола - как бездонный колодец. Отец только увеличивал расходы имения, он любил заниматься строительством, и на это шло много денег», — рассказывал Михаил Петрович.

Зять Петра Карловича и следующий хозяин Халола Александр Михайлович умел варить варенье и играть на трубе, но и он в сельском хозяйстве тоже ничего не понимал. Хозяевам, правда, и незачем было особенно вникать в практические дела, потому что из воспоминаний Михаила Петровича видно, что их вел управляющий хозяйством, или вернее, именем, т. е. фохт.

Петр Карлович приезжал в Халола отдыхать, но совсем не работать он не мог. Он пилил, строгал, чинил, вырезал детям кукол, устраивал театр теней, в котором силуэты напоминали образы домашних, а действия - семейные события. Он водил детей на прогулки и учил их ездить верхом.²

Счастливые дни закончились тем, что Петр Карлович передал имение дочери Марии Петровне и ее мужу Александру Михайловичу Станюковичу, которые потом стали жить там и зимой. Самому Петру Карловичу на втором этаже выделили комнату под ателье, но его друзей уже потом в Халола видно не было.

Последней работой Петра Карловича был памятник Мартину Лютеру для одной из церквей в Восточной Пруссии. Реформатор церкви стоит с книгой в левой руке, подняв правую к небу. В 1863 году Петр Карлович подарил гипсовую копию этой скульптуры приходу деревни Уусикиркко для церкви двойного креста святого Иоанна.

² Людвиг Веннервирта рассказывает, что Вальтер Рунеберг ездил в Халола показывать свои скульптуры Петру Карловичу. «Er wird Fortschritt machen» (он далеко пойдет (нем.)), говорил тот вежливо, но двусмысленно. Достижения самого Петра Карловича получают, может быть, более правильное освещение, если вспомнить, что Вальтер Рунеберг, который был на целое поколение моложе, еще и в семидесятые годы девятнадцатого века создавал вполне классические скульптуры (прим. автора).

После этого подарка к Петру Карловичу в округе стали относиться особенно уважительно, многие люди с искренней теплотой говорили об имении барона.³

В имении Халола в Уусикиркко Петр Карлович и скончался неожиданно в 1867 году, приехав туда в гости к дочери и зятю. Его жена Юлиания Ивановна умерла еще в 1859 году. После этого он сильно постарел и оброс бородой. Он всегда с трудом следил за собой, а потом и совсем стал этим пренебрегать. Правда, в тот раз полгода лечения на немецком курорте помогли.

В Петербург тело Петра Карловича везли его любимые кони.

Финские соседи провожали траурную процессию до деревенской церкви. Как и полагалось, они пели при этом псалмы. В Петербурге траурный кортеж встречали ближайшие родственники - сын Александр, братья Владимир и Константин, отец Елизаветы. Сама Елизавета в это время жила в Выборге.

Петра Карловича отпевали в лютеранской церкви святой Екатерины на Васильевском острове и похоронили на уютном, но всегда очень сыром Смоленском кладбище. Когда квартиру позади Академии художеств стали освобождать, у Петра Карловича, художника, снискавшего мировую славу, у типичнейшего представителя рода Клодтов набралось имущества на шестьдесят рублей.

Позже бранные останки Петра Карловича были перенесены на Тихвинское кладбище в Александро-Невской Лавре, где его могила находится среди могил других выдающихся людей - Федора Достоевского, Петра Чайковского, Михаила Глинки и Ивана Крылова⁴.

³ Георгий Клодт использует термин «мыза» (прим. автора).

⁴ На Смоленском кладбище похоронены и многие другие члены семейства Клодтов. Все еще существует общая могила матери Петра Карловича и его брата Владимира, остальные могильные камни исчезли или истерлись, и их невозможно отождествить (прим. автора).